

Происхождение славян, версия биохимическая

(Клёсов А. А. Происхождение славян.

ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М.: Алгоритм, 2013. 512 с.)

Автор и среда. В издательстве «Алгоритм» вышла научно-популярная книга доктора химических наук А. А. Клёсова «Происхождение славян». Но от научно-популярной в ней только живой язык (даже слишком живой — грубый, развязный, местами просто хамский, что сочетается с полной уверенностью в собственной правоте и в злокозненности оппонентов). А небольшой научный аппарат есть, так что это исследование, но обращенное не к научному сообществу, а к любителям и фанатам. В книге более 500 страниц, 15 глав. Выбор издательства автором вряд ли случаен: в этом же издательстве недавно вышли переводы книг Муссолини и Геббельса, запрещенные прокуратурой. Предшествующая объемистая книга Клёсова «Происхождение человека» вышла за год до того в другом издательстве — «Белые Альвы», известном своей склонностью к расизму. В той книге Клёсов выступает в соавторстве с известным детским писателем, журналистом и кандидатом технических наук А. А. Тюняевым — борцом без правил, создателем лженауки организации, отъявленным антисемитом и откровенным шовинистом.

Клёсов — не чета Тюняеву. Это несомненно классный специалист в своей области, человек талантливый и гиперактивный. Он был одним из самых молодых докторов наук в Советском Союзе, первым пользователем интернета, лауреатом премии Ленинского комсомола и Государственной премии, был избран директором института биохимии АН СССР, но не утвержден президиумом Академии наук. То ли из обиды, то ли (как он сам пишет в книге о происхождении славян, гл. 15) натолкнувшись на статус невыездного за рассказы об успешной поездке на Запад, переехал, как только стало возможно, на постоянное место жительства в Америку и устроился работать в фармацевтическую фирму, где создает лекарства от рака и воспалений. Получил гражданство США (имеет двойное). Хотя и титулуется в России профессором Гарвардского университета, но на деле полным профессором Гарварда не стал, только читал там лекции.

Возможно, что его позиция вполне благополучного, но не перворазрядного эмигранта в США пришла в противоречие с вывезенными с родины патристическими чувствами, воспитанными и укрепленными успешной карьерой молодого советского научного лидера. А может, измучила обязательная политкорректность в этнических вопросах. Только он проникся сильными националистическими убеждениями, стал обличителем издали тех, кого он считает национал-предателями на родине. Стал выступать вне своей профессии против норманизма. Работая в известном смысле на чужой народ, стал думать о том, чем бы он мог возвеличить свой народ — не в современности, конечно, коль скоро далек от него, а в прошлом, рисуя достойную и красивую историю. Это, разумеется, предположения: чужая душа — потемки.

Но ему показалось, что он нашел применение своим знаниям о кинетике химических реакций к изучению скоростей мутаций в ДНК. К 2009 году стал печататься по этим проблемам. Специалисты (О. П. Балановский, В. В. Запороженко, В. В. Веренич) считают, что его подход не имеет преимуществ по сравнению с существующими и при этом имеет ряд недостатков, но все же является научным и приемлемым. Некоторые результаты Клёсова могли бы быть опубликованы в признанных научных журналах и найти свое — надо полагать, скромное — место в науке.

Беда, однако, в том, что в силу своей гиперактивности Клёсов не смог удержаться в границах своей компетенции и взялся за решение всего комплекса проблем по этногенетике, особенно за связи и отношения с историей народов, языков, культур, этносов, связи с лингвистикой и археологией. Он впал в обычную иллюзию технарей и естествоиспытателей при столкновении с гуманитарными и общественными науками: этим ученым кажется, что все здесь очень легко и просто, собственных методов никаких, нужно только потрудиться с набором фактов. Мы видим, как это происходило с академиком Фоменко (пресловутая «новая хронология»), инженером Винчи (поиски Трои в Финляндии). Чувства и страсти толкали Клёсова доказывать то, что ему хотелось видеть в истории славян, сбивали с объективной позиции, лишали самоконтроля.

С удивлением и огорчением он увидел, что ученый мир в этих новых для него отраслях не приемлет его выводы, методы и принципы. Его статьи по этим проблемам очень туго проходили в научные журналы или вовсе не проходили — все было не так, как в фармацевтике. Его не звали на основные конгрессы. Известные ученые посмеивались и крутили пальцем у виска. Клёсов принял это за ревность, косность и корпоративный сговор. Он усилил риторику, его выступления стали более резкими, сложился Клёсовский стиль. Это не прибавило ему уважения ученых, хотя сделало популярным у масс дилетантов, увивающихся вокруг науки. Тогда Клёсов объявил, что он создает новую науку. Она будет называться не *популяционной генетикой* или *генеогеографией* или *этногенетикой*, как обычно именуют свою отрасль специалисты по историческим аспектам генетики человека, а *ДНК-генеалогией*. Но ведь генетическая генеалогия существовала и до Клёсова. Он лишь раскрутил редко использовавшееся словосочетание «ДНК-генеалогия».

Клёсов предпринял несколько стратегических ходов. Во-первых, он использовал свой опыт интернетного общения и сделал так, чтобы его имя и выводы громко зазвучали в интернете. Во-вторых, он создал в Бостоне виртуальную Академию ДНК-генеалогии (в составе нескольких человек), в которой стал, естественно, президентом, со своим журналом — Вестником. Там печатаются в основном его статьи и те статьи друзей, которые его устраивают. В-третьих, он вошел в редколлегию (и стал ответственным редактором) нового журнала «Advances in Anthropology» («Успехи антропологии»), в основном печатающего маргиналов и малоизвестных ученых, но зато тех, кто подстраивается под Клёсова.

Сам Клёсов, конечно, отрицает, что он изгой среди генетиков человека, что его избегают, на него ученые не ссылаются или ссылаются негативно (разумеется, это не касается его трудов по кинетике и созданию лекарств), но все причастные знают, что это так. Показателем этой ситуации является и то, что он вступает в связь с фигурами типа Тюняева, Пензева и комического Задорнова и с издательствами определенной репутации. Есть, конечно, другой вариант объяснения — что у них есть нечто идейно общее.

Книга. Уже подзаголовок книги показывает ее ультрапатриотическую направленность («ДНК-генеалогия против норманнской теории») и странную всеядность: какое отношение имеет проблема происхождения славян (этногенез) к проблеме происхождения государственности на Руси (суть споров о норманнах)? Это же очень разные темы. Но для Клёсова все, что задевает его воспаленное национальное чувство, связано воедино. Я, однако, норманнборческую сторону его книги рассматриваю отдельно (Клейн 2015) и здесь на этом аспекте останавливаться не буду.

С самого начала бросается в глаза полное отсутствие историографии вопроса. Ни одна книга или статья на избранную тему (Niederle 1896; Соболевский 1922; Vasmer 1926; Lehr-Sptawinski 1946; Артамонов 1950; Клейн 1969; Петров 1972; Кобычев 1973; Мачинский 1976; Мавродин 1978; Седов 1979; 2003; Мартынов 1982; Герд, Лебедев 1989; Трубачев 1991; Шукин 1997; Kazanski 1999; Kurta 2001 и др.) даже не упомянута. Их как не было. Автор демонстрирует полный разрыв с традицией. В первой же главе он предупреждает читателя, что того ждет «эффект разорвавшейся бомбы» (с. 5), и это вынесено в аннотацию. Автор хочет произвести впечатление абсолютного новатора и основоположника, и он не может ждать, пока читатель сам к этой оценке придет — он анонсируется как таковой сразу, наперед.

Гаплогруппы и генеалогия. В чем же заключается новаторство бостонского химика в решении проблем этногенеза? Подобно многим современным специалистам, он ставит успехи генетики (науки, смежной с его непосредственной специальностью, биохимией) на службу изучению антропогенеза и этногенеза. Начиная с 90-х годов прошлого века популяционная генетика активно использует не только гены (генетические маркеры), находящиеся в обычных (неполовых) хромосомах, но и половую Y-хромосому, наличие которой в организме человека определяет его мужской пол.

Хромосомы состоят из нитей дезоксирибонуклеиновой кислоты, в которых буквами-нуклеотидами записан сложный «текст». И встречаются специфические участки-повторы: они состоят из однотипных звеньев-слов, идущих гуськом друг за другом. Причем может быть разное число повторов: то 5, то 13, то 15 и т. д. Вот это число повторов, индивидуальное у каждого человека, он передает по наследству своему ребенку. И если число повторов в одном участке-повторе может случайно совпасть у неродственных людей, то совпадение числа повторов сразу в нескольких таких участках позволяет достоверно установить родство. Но время от времени происходит сбой при передаче этого наследия, и в каком-то участке изменяется число повторов, скажем, 15 превращается в 16 или наоборот. Или мутация может произойти не в участках-повторах, а в основном «тексте» хромосомы подменяется один вид нуклеотида на другой — такая мутация называется снип (от английского SNP — single nucleotide polymorphism). Все эти мутации передаются следующим потомкам. Если произошла снип-мутация (что бывает редко), то образуется новая ветвь — гаплогруппа. Такие сбои время от времени случаются, и первоначальная линия ветвится, обрастая все новыми мутациями. А если произошла мутация числа повторов (что случается гораздо чаще), то говорят, что образовался новый гаплотип (как на одной ветви вырастает много листьев). Когда ученые научились распознавать эти мутации (каждая гаплогруппа имеет свое условное буквенно-цифровое обозначение), они получили возможность строить генеалогическое древо биологической преемственности. Получилось общее очень разветвленное древо для всего человечества.

Постепенно научились извлекать ДНК из древних костных остатков. Напрашивалась заманчивая идея — проследить по гаплогруппам генеалогические общности в современности и находить им соответствия в древних антропологических общностях, соответствующих археологическим культурам и древним этносам. Проследить преемственность между этносами, происхождение народов, этногенез. Такие исследования генетики проводят уже многие десятилетия, но Y-хромосома оказалась более чувствительным инструментом, чем ранее использовавшиеся маркеры.

Подсчитывая количество различий в последовательности ДНК, накопившихся между нынешними группами, и зная приблизительное число лет (в среднем) на одну мутацию, можно высчитать, когда жил их общий предок. Правда, эти подсчеты пока очень приблизительны, а результаты спорны. Клёсов ожесточенно спорит с другими исследователями (например, с Л. Животовским и его сторонниками) о среднем числе лет на мутацию и о получаемых датах. У Клёсова многое получается в два-три раза моложе, чем у Животовского при «эволюционной» скорости мутаций, а в некоторых случаях — древнее. При датировках по «генеалогической» скорости мутаций (полученных по данным о различиях между гаплотипами отца и сына) датировки незначительно разнятся от датировок Клёсова. Ныне же вообще наука переходит на более надежные датировки по данным полного секвенирования всей Y-хромосомы. Но в принципе это перспективная дискуссия. Главное расхождение между Клёсовым и генетиками не в этих конкретных деталях. Такие споры обычны в рамках науки, и они разрешимы. Коренное расхождение — в общем подходе.

Род. Движимый патриотическими чувствами и наивным стремлением возвысить свою личность и свой род через предков (он все время возвращается в книге к данным своего личного гаплотипа), Клёсов признал сравнение гаплогруппы с родом не фигуральным выражением, а прямым отождествлением. Гаплогруппа — это род, провозглашает он, и тут видны его прямые предки. Отсюда следует вывод, что та гаплогруппа, к которой сам Клёсов принадлежит, а именно R1a, распространенная и доминирующая у восточных и западных славян, является его родом, успехи ее носителей в прошлом — на всем протяжении времени ее существования, в десятки тысяч лет, на всей территории — от Индии до Балкан и дальше, это успехи и история его прямых предков. Ну, и предков его народа — русского, славян.

Поэтому он и назвал свою версию работы с гаплогруппами *ДНК-генеалогией* в противоположность *популяционной генетике*, сопоставляющей популяции и соотношение гаплогрупп в них, или, если угодно, *генеогеографии*, изучающей по данным генетики структуру генофонда, территориальное распространение и движение популяций. *Генеалогия* же — наука, которая долго помогала верхним сословиям феодальных государств отстаивать свои привилегии, основанные на родovitости, на заслугах предков, и конкурировать в делении этих привилегий. Статьи, Клёсов ведет свое происхождение и помимо гаплогрупп от «боярских детей» — военного дворянского сословия. То есть он просто простер свой род от времени Ивана Грозного (до которого вроде бы преемственность проследивается по письменным источникам) к палеолиту.

Толкование гаплогруппы как рода есть основополагающая ошибка.

Дело в том, что когда мы говорим о почитании семейных или родовых предков, своих или чьих-то, когда мы говорим о родovitости, о том, что человек

хорошего рода, благородный, мы имеем в виду, что яблоко от яблоньки недалеко падает, что человек унаследовал от своих родителей и вообще предков хорошие (или дурные) гены, а также впитал с молоком матери некие правила поведения, что он хорошо воспитан. Мы естественно преданы своим родителям, любим их, они нас выносили, выходили, воспитали. Мы чтим и бабушек с дедушками, да и более далеких предков, которых никогда не видели. Но эта особая любовь не бесконечна. Через несколько поколений у большинства особое выделение предков из всего народа мало ощущается. Боюсь, что для современного горожанина его далекий предок (скажем, уже прадед прадеда) — абсолютно чужой человек (если это не какая-нибудь знаменитость). Иное дело первобытные роды, где человек обязан был знать длинную линию своих предков, потому что это имело значение для его позиции в обществе. Но первобытный род — это особая категория, изучаемая этнографами, она имеет мало общего с современной семейной традицией.

Семейные традиции подвержены влияниям, нередко пресекаются внешними обстоятельствами, а гены более устойчивы. Но их сочетания столь причудливы, что проследить их «целенаправленное» воздействие можно лишь на несколько поколений. Спесь аристократических родов с этой стороны неоправданна. Истории хорошо известны выродившиеся королевские роды.

Факт биологического родства не только не является достаточным условием для формирования «рода», но и не является условием необходимым. Усыновление практикуется во многих культурах, и юридическое отцовство может значить не меньше, чем биологическое. Хоть Джучи и не был биологическим сыном Темучина, потомки Джучи — полноправные чингизиды. И то же относится к большинству аристократических родов.

Здесь можно спросить: а не гарантирует ли сходство по гаплогруппе все же автоматически и схожую комбинацию генов, а с ними и тождество всей организации человека? Ведь гены пусть на других хромосомах, но все же наследуются вместе с Y-хромосомой от того же предка! Нет, так не выходит тоже. Человек получает гены (их десятки тысяч) от обоих родителей и в его хромосомах они *рекомбинируются*, перетасовываются. Одни гены от одного родителя, другие от другого, и заранее невозможно сказать, какие от кого перейдут. Так распорядилась эволюция для постоянного обновления природы. Известен анекдот про беседу Бернарда Шоу с глупой красавицей-актрисой. Она хотела женить его на себе и уговаривала: «Подумайте, какие у нас будут дети — они же унаследуют красоту от меня и ум от вас!» А Шоу возразил: «Да, но что если они унаследуют мою красоту и ваш ум?!»

Родители, которых двое, получают (в перемешанном виде) гены из хромосом своих родителей, то есть дедов и бабок. Их четверо. В следующем поколении вглубь времен предков уже 8, далее 16, и легко рассчитать, что за 20-м поколением (то есть углубясь всего на семь веков), получим *более миллиона предков для одного человека!* На деле их обычно меньше, потому что некоторые брачующиеся восходят к одним и тем же предкам, не замечая этого, но все же общая база предков чрезвычайно велика. *Все полученные от этого множества предков гены образуют тот генофонд, из которого выбрана генная комбинация каждого из нас.* Это все наши предки. А прослеживая только одну ниточку (через отца к деду, прадеду и т. д.) Клёсов чрезвычайно обедняет нашу наследственность, выбирая не обязательно тот набор генов, который и определил воздействие нашего родового прошлого на наше настоящее. Его указание наследственности

есть обман. Каждый из нас далеко не всем наследственным багажом обязан исключительно отцу, деду и прадеду, многие способности и черты внешности получены от матери, от деда с ее стороны и бабки, от бабки с отцовской стороны и т. д. Семью веками ранее вместо *миллиона предков* (или около того) в его, Клёсова, реконструкциях рода стоит *один предок*, к тому же не имеющий никакой реальной привязки к потомку через гены.

Имена: славяне. Клёсов не удовлетворяется конструированием несуразных долгоиграющих родов. Он придает им еще более несуразные, но значащие имена. «Род» R1a1, то бишь, гаплогруппу, он называет *славянским родом*. Основанием служит то, что эта гаплогруппа, собственная для Клёсова, доминирует (то есть оказывается более численной) у восточных и западных славян (но не у южных), хотя распространена не только у них, а у индийцев, алтайцев, башкир и даже евреев. Но где бы она ни была, она везде отныне славянская. Ну, или праславянская, если речь идет о ранних временах. Не русская, не польская, а почему-то славянская.

Назвать ее русской или польской Клёсов не решается. Он понимает: «Этносы — это практически всегда объединения разных гаплогрупп. Нет у них «своей гаплогруппы». Например, **в русском этносе есть четыре основных гаплогруппы — R1a, I1, I2, и N1c1** плюс еще десяток минорных, которых среди русских от нескольких процентов до долей процента. Что они — не русский этнос?». А славяне для Клёсова, очевидно, никакая не этническая общность, а какая-то еще — мистическая. Для них есть «своя гаплогруппа». А что, в них нет других гаплогрупп — только одна? Или эта гаплогруппа отсутствует в других аналогичных общностях?

Мне уже доводилось поправлять Клёсова по вопросу о подобных общностях — славянах, германцах и т. п. Я указал тогда, что нещадно критикуемый им В. Г. Волков, исследовавший ДНК Рюриковичей, был прав, утверждая, что общеславянской солидарности, общеславянского патриотизма не существует. Есть такое течение — панславизм, но оно объединяет далеко не всех славян, а лишь малую их толику. *Славянство — это лингвистическая общность*. Когда-то это был один народ, тогда была общая культура и общий быт, но от этого остались слабые пережитки: славяне давно разделились на ряд народов, нередко враждовавших между собой. «Всех славян, — писал я, — ничего не объединяет, кроме языка: ни раса, ни культура, ни религия, ни политика, ни даже гаплогруппа (у южных славян господствует не та, что у восточных и западных)». Сейчас даже язык не объединяет, только *некоторые языковые сходства, более сильные чем с соседними народами*.

Родство по крови образует стаю,
Родство по слову — создает народ.
Александр Городницкий

Клёсов в ответ пригрозил мне: «Я, пожалуй, зачитаю этот пассаж осенью этого года в Сербии, на конференции по славянству. Представляю взрыв возмущения в аудитории. А после этого мне придется (с сожалением) сказать, что автор этого пассажа — еврей, который для себя ничего не вынес из истории еврейства и его трагических проблем. Боюсь, что взрыв негодования будет еще более сильным» (с. 370). Да, у большинства сербов — симпатии к России, но основанные не на славянстве, а на политической истории. Я предложил Клёсову

зачитать свой ответ в Польше, Чехии или Хорватии, да можно и в Словении или в Боснии, сейчас бы я предложил и более близкое место — Украину, Киев.

Клёсов все это цитирует в книге и завершает таким шедевром: «Я больше 20 лет живу в США, и могу засвидетельствовать, что общение с поляками, чехами, сербами, словаками, словенцами, хорватами, болгарами и прочими славянами, как правило, имеет характер особенно братского общения. Сколько раз при этом подчеркивалось, со стороны всех перечисленных, что мы — славяне. Подозреваю, что Л. Клейну это просто не понять. Надеюсь, это не нуждается в пояснении» (с. 381).

Отчего же не понять? Я жил в США гораздо меньше — учебный год (преподавал в Университете Вашингтона) и там не остался. Полгода я жил в Англии (тоже преподавал в университетах), и в Западном Берлине, Вене и в других далеких местах. Я тоже встречался там со славянами — поляками, чехами, словенцами, русскими, украинцами, а также с российскими евреями. И могу подтвердить: да, действительно, это было «особенно братское общение»: эмигранты неизбежно тосковали по родине, их умиляла возможность услышать родную или близкую к родной славянскую речь, стихи и песни. Но панславистскими идеями (объединить всех славян во главе с Россией) при этом и не пахло. И на родину никто из них не собирался возвращаться (как, кажется, и Клёсов. При всем его столь подчеркиваемом патриотизме).

Так что пояснение требуется.

У Клёсова есть увертка. Он ссылается на разные контексты, разные науки: «...термин “славяне” зависит от контекста. В языкознании “славяне” — одно, в этнографии — другое, в ДНК-генеалогии — третье. Гаплогруппа, род образовался тогда, когда ни наций, ни церквей, ни современных языков не было. В этом отношении принадлежность к роду, к гаплогруппе — первична» (с. 9). Этот фокус не проходит. Он мог бы иметь значение, если бы славянское единство имело разные проявления в разных отраслях: они были бы едины по языку, по антропологическим особенностям, по религии, по культуре — тогда можно было бы сказать, что в каждом из этих контекстов понятие проявляется разными сторонами. Но ведь этого нет! А если по языку славяне схожи, а по остальным параметрам — нет, то ссылки на разный контекст не работают. Неправомерно говорить о славянском единстве в других контекстах. Славяне как общность в этих контекстах не существуют. Разговор во всех этих контекстах идет о языковой общности славян, о языковой семье. Да, можно исследовать, скажем, антропологию славян — но это антропология языковой семьи, и она пестрая, не единая.

В своих рассуждениях Клёсов наталкивается на одну существенную трудность. Его увязка славянской исключительности с гаплогруппой R1a1 подразумевает, что те, кто этой группы не имеет — не славяне, а значит, и не русские. А их очень существенное число, почти во всех русских областях больше половины, и все они числятся русскими. В свое время с аналогичной проблемой у немцев столкнулся Гитлер. Нордическая раса распространена в Скандинавии и Северной Германии, а как быть с Баварией, Австрией, да и с самим Гитлером, явно не подходящим под идеал «белокурой бестии»? Гитлер нашел выход. У нас мало известно, что в гитлеровской Германии расовой теории в нордическом варианте из политиков придерживался лишь Гиммлер со своими эсэсовцами, а официальной доктриной Германии, одобренной Гитлером, была расовая теория в гораздо более широком понимании: арийская раса включала всю Германию и даже значительную часть Европы.

Клёсов не пошел на столь смелое решение, потому что это означало бы отказ от R1a как славянской гаплогруппы. Он всячески выкручивается, стремясь показать, что в его системе носители других гаплогрупп тоже являются славянами, тоже русскими. Кто такие финно-угры на территории нашей страны? «Это, стало быть, русские, говорящие на языках финно-угорской группы. Или современные русские, предки которых говорили на языках финно-угорской группы» (с. 186).

Но у них, стало быть, предки — не арии, не праславяне. Не того это рода люди. Читателя не оставляет ощущение, что это у Клёсова все-таки русские второго сорта. Его фанаты так и понимают. В интернете уже высказывалось программное предложение устроить поголовное определение гаплогрупп и этническую чистку: всех, кто не покажет R1a1, убрать со всех высоких постов в России, вычистить из государственного аппарата, а лучше — выселить из России к чертовой матери. Россия — для истинных русских! Для R1a1! Это и есть единственный практический вывод из тезиса о славянскости гаплогруппы R1a1. Другого смысла эта идея не имеет. Таким образом, эта идея не только ложная, но еще и вредная. Как можно определять гаплогруппу, пусть даже такую замечательную как R1a1, как славянскую?

Имена: арии. Клёсов добавляет к этому еще одну нелепость, именуя ту же группу и арийской. Мотив этой акции мне понятен. Он тот же, что у немецких нацистов. Им было нужно придать своей «нордической расе», расе господ, ореол романтики и святости, а были еще свежи байки про то, что все индоевропейские народы происходят из Индии, все их языки из санскрита, или, по крайней мере, близки к нему. Северные же народы Индостана сами именовали себя ариями, а близкородственные им народы Ирана называли себя близким термином. *Именно эта группа языков (и только она) издавна получила у лингвистов название арийской.* Вот был и повод для переноса термина на обозначение всего индоиранского языкового корня арийским, а по нему и раса, якобы из Индии происходящая, стала у немецких националистов именоваться арийской. Тут уже был только шаг, чтобы происхождение расы перенести на север и назвать арийцами «главных» индоевропейцев — германцев.

Основанная на этих идеях нацистская практика потерпела сокрушительное поражение. Но теории имеют свою жизнь, меняют носителей, трансформируются, приспосабливаются к новым условиям. Не раз замечено, что многие понятия немецкого нацизма, сменив национальные одежды, возрождаются в русской жизни. Даже свастика в слегка изломанном виде снова вцепляется в знамена на «русских маршах». Русские парни «кидают зиги» и строятся в колонны для факельных шествий.

С начала 90-х годов бывшие советские народы, обретя государственную независимость, нуждались в идеологии, утверждавшей их национальное достоинство, их особость, их отделение. Вот некоторые национальные специалисты обратили свое внимание на испытанный лозунг арийскости, на статус ариев. Добро бы еще это понятие использовали осетины или таджики, имеющие формальные основания для таких притязаний (у них арии — историческое самоназвание, научно признанное). Но ариями объявили свой народ туркменские ученые — они поставили вопрос о том, что истинными ариями являются тюрки, а вовсе не германцы или иранцы. Началась конкуренция за присвоение статуса ариев. В этой обстановке понятно, что Клёсов со своей гиперактивностью и национализмом не мог устоять перед искушением ввязаться в эту конкурентную борьбу и предъявить русские права на звание ариев. Формальные основания,

пусть и не очень логичные, нашлись. Гаплогруппа R1a охватывает как области восточных и западных славян, так и северную Индию, причем в ней она распространена в верхних кастах, предполагаемая завоевание. Если она получила название славянской, то по той же клёсовской логике она может называться и арийской. Подобраны фотоснимки некоторых индийцев, очень похожих на славян. Клёсов со значением подчеркивает особую близость славянских языков к санскриту. И не он один. Те, кто это делают, обычно используют разительное сходство отдельных слов. Но лингвисты поступают не так. Они сравнивают не отдельные слова, а целые пласты лексики и грамматические системы с их формантами. А по ним индоарийские языки блики к греческому и армянскому, составляя с ними одну группу. Славянские же с балтскими и германскими — другую.

У Клёсова есть еще одно формальное оправдание своего использования термина «арий» для обозначения гаплогруппы R1a1. Ведь надо было как-то выделить эту гаплогруппу, а обозначения буквами и цифрами плохо запоминаются, легко путаются, от них в русском языке трудно образовывать прилагательные. Вот Клёсов и взял близкий и подходящий термин, якобы не придавая ему никакого прежнего значения. Даже если оно за него зацепилось — отцепить! Забудем все ассоциации. Все термины условны, напоминает он. Я создал новую науку, в ней термин будет иметь то значение, которое я ему придал (на это был сделан упор в нашей с ним переписке, опубликованной им: Клёсов 2013).

Да, все термины условны. Но зацепившиеся за старые термины значения невозможно от них оторвать, они все время будут выскакивать и мешать новому пониманию. Для новых понятий нужно создавать новые термины или использовать термины из очень далекой сферы, чтобы их старое значение не мешало новому пониманию. Нельзя просто придавать старым терминам новые значения. Кошку, даже очень породистую, нельзя назвать собакой, атом нельзя назвать молекулой, изменчивость нельзя назвать корреляцией. И не нужно хитрить. Термин взят не абы какой. Это очень определенный термин, со связкой старых смыслов, он взят ради них, чтобы их использовать. Ну, хочется автору быть арийцем со всеми подспудными значениями, которые отсюда вытекают. Хочется не меньше, чем туркмену-археологу. Научности у этих потуг нет ни на гран — ни там, ни тут.

Имена: индоевропейцы. Вскоре после войны крупный советский археолог А. Я. Брюсов, брат знаменитого поэта, перенял концепцию Густава Косины, предтечи нацистской археологии, о неолитических походах, распространивших индогерманскую культуру из Северной Германии по всей Европе. Только Брюсов поставил на место Германии в центре — Россию, он связал распространение индоевропейской культуры с распространением позднеолитических культур боевого топора. Так сказать, отнял у немецких националистов честь был центром, из которого... Задержка была за тем, что не удавалось доказать распространение этих каменных топоров-молотов именно из России. Топоры эти есть и в Трое, а самые ранние — не в России, а увы, в Германии и Польше, в культуре воронковидных кубков.

Клёсов проделал то же самое, но вместо каменных боевых топоров-молотов у него — гаплогруппа R1a1. По его датировке выходит, что продвижение этой гаплогруппы в Индию с Русской равнины совпадает с зафиксированным археологией и письменными источниками продвижением исторических ариев в Индию. Они вторглись туда на боевых колесницах из понтокаспийских степей через Среднюю Азию в середине 2-го тыс. до н. э. Для меня пока неясно,

действительно ли гаплогруппа R1a1 появилась в Индии с этим вторжением или она там была уже задолго до него. Во всяком случае это было вторжение не из центральной части Русской равнины, а из степной полосы (от Дуная до Енисея), и знаменует оно, несомненно, продвижение ариев-индоиранцев (т. е. индоариев и иранских народов). Это культуры катакомбные, андроновские и срубная. Клёсов причисляет сюда еще и бабинскую, это реалистичная гипотеза, подлежащая проверке.

Но Клёсов считает, что экспансия этих культур шла не только на восток (и затем юг), но и на запад. Такая гипотеза уже выдвигалась (Э. Вале, Г. Чайлд, М. Гимбутас и др.), но не нашла археологического подтверждения. Экспансия степных культур (ямной, катакомбной и др.) на запад не простирается дальше венгерских, болгарских и румынских участков степи. Получается, что население с гаплогруппой R1a1 продвигалось на запад, а археологические культуры оставались на месте и туда не шли. Вообразить противоположное можно: культуры могли продвигаться диффузией, а население в основном оставалось на месте. Но чтобы население двигалось, а культуры — нет, такого пока не обнаруживалось. В принципе это возможно, но нужны более доказательные подтверждения.

Клёсову вся эта экспансия понадобилась, чтобы возродить брусовскую и более раннюю немецкую идею о том, что арии распространили не только соответствующий народ (немецкий или русский) на места его позднейшего обитания, но и вообще всех индоевропейцев. Клёсов пошел еще дальше — он отвергает вообще термин «индоевропейцы». Для Клёсова ««индоевропейцы» — это и есть древний род R1a — арии» (с. 12). Не было никаких индогерманцев, переименованных затем в индоевропейцев. Клёсов всячески издевается над термином «индоевропейцы»: он и несуразный, и неудобный, и сбивающий простого человека с толку, и в лучшем случае относится только к языкам. Был род ариев, он и же праславяне, вот они и разносили повсюду родственные культуры, от них и пошли все европейские родственные языки.

Между тем, термин «индоевропейцы», сколь бы он ни был фонетически противен Клёсову, обозначает совершенно четкое явление: установленное на рубеже XVIII–XIX веков родство целого ряда европейских языков между собой и с языками Индии и Ирана. Родство это пытались объяснить по-разному — и схождением, и обменом, и взаимопроникновением, но в конце концов победила версия филиации — происхождения всех этих языков из одного праиндоевропейского языка, языка-предка. Он существовал несколько тысяч лет тому назад и распался сначала на несколько ветвей, потом каждая еще на ряд языков. Ветви составляют сейчас языковые семьи, а все индоевропейские языки — одну большую семью, аналогичную другим подобным большим семьям — финно-угорской, семитской, северокавказской и т. д. Каждый такой предковый язык, праязык, предполагает пранарод, живший на некой территории — прародине. Таков смысл слов «индоевропейцы» и «праиндоевропейцы». Уничтожить эти термины не в Клёсовской воле. Потому что продолжают существовать в науке понятия и явления, ими обозначаемые.

Кстати, существует и особая наука «глоттохронология», основанная Морисом Суодешем в середине XX в. Она исходит из постоянства средней скорости обновления основного словарного фонда во всех языках. По числу таких обновлений в стандартном списке слов она и судит о хронологии и степени родства. Если два языка расходятся на некий процент обновившихся слов, то, зная среднюю скорость, лингвисты устанавливают степень родства этих языков и время,

когда они разошлись от общего языка-предка. Ну точно, как генетики по мутациям в хромосомах и митохондриях! И естественно: ведь генетики изобрели свой метод по образцу лингвистов (Суодеш был первым). Только у генетиков дата общего предка не обязательно является датой начала народа: возможно, популяция проходила через «бутылочное горло», да и не мог вообще один родоначальник существовать, были у него и соплеменники. А глоттохронология, при всей спорности пока что ее дат, определяет именно конец языка-предка и начало его потомков. Исследования в глоттохронологии уже очень многочисленны. Есть целый ряд предложений по определению датировок распада индоевропейского языка, распада отдельных языковых семей, в том числе ариев и славян. Выступать против всех этих терминов и понятий — это воевать с современной лингвистикой, не имея ни соответствующего образования, ни школы, ни языкового чутья.

Этнос. Происхождение славян, происхождение русских, поиски прародины, пранарода, следы этнических миграций — все это вопросы, которые в наше время трактуются как вопросы *этногенеза*. Очевидно, ключевое понятие для этой темы — *этнос*. Клёсов, посвятив свою книгу происхождению славян, часто именует славян этносом. Было бы занятно выяснить, что Клёсов понимает под этносом, уж коль скоро он берется за выяснение происхождения конкретного этноса как этноса. Этого в книге нет. Есть лишь высказывание, чем этнос не является, и заявление, что этносами Клёсов не занимается, он занимается только родами.

Род, по Клёсову, «не надо путать с этносом или “этнической группой” (на самом деле это не этническая группа, это носители одной генеалогической линии, которая может включать тысячи и миллионы человек)» (с. 81). Как будто этнос не включает тысячи и миллионы человек. Клёсов же то и дело именует славян этносом, этносами именует и русских, белорусов, литовцев, финнов и т. д. По его словам, «мы ведь идем к истокам славянского этноса, то есть группы родов, существовавшей тысячелетия назад» (с. 84). Он ссылается на «государства, которые вошли в историю как арийские — и по языку, и по этносу, и по государственному образованию» (с. 106).

«Л. Клейн опять не понимает, — возмущается Клёсов (с. 368). — ДНК-генеалогия этносами не занимается. Она занимается родами, т. е. гаплогруппами, и их историей». Это хитрая отговорка, уход в кусты. Как не занимается! Он же перед тем (на с. 84) пояснил, что этнос — это группа родов, существовавшая тысячелетия назад, а роды, то есть гаплогруппы — это то, чем ДНК-генеалогия только и занимается!

Что такое этнос — проблема сложная, существует огромная литература об этносе и этничности (см. об этом первый раздел (восемь статей) в моем двухтомнике «Этнос и этногенез»: Клейн 2013). Этнос выделяли и по языку, и по расе, и по религии, и по культуре, и по комплексу признаков. Всякое определение подходило к одному этносу и не подходило к другому. Каутский в свое время говорил, что этнос, как Протей, все время меняет свое обличье, и четко определить его невозможно. Сейчас среди историков и этнографов большую популярность имеет конструктивистское убеждение, что вся беда — в представлении этноса как цельного и устойчивого образования, а этнос — фиктивная категория, и его конструируют всякий раз политики на свою потребу.

Я принадлежу к другой группе ученых. Изменчивость и разноречивость в определении этноса мы объясняем по-иному. С моей точки зрения, этносы вполне реальны, но этнос — категория не постоянной материальной реальности,

а *социальной психологии*. Этнос определяется убежденностью определенной большой массы людей в общности и особенности своего происхождения — неважно, достоверна ли эта идея или нет. А уж к ней подыскиваются материальные доказательства, и они могут быть разными — то это общий язык, то культура, то религия, то раса, то территория, то комплекс признаков и т. д. Это убеждение порождает этническую солидарность. Но солидарность бывает и возрастная, половая, классовая, профессиональная, корпоративная и т. д. Чем отличается от них этническая? Тем, что в ее основе — стремление выделиться в отдельное государство и существовать самостоятельно. Обычно этнос — это отдельное государственное образование в прошлом (в воспоминании) или в потенции или в реальности.

Такие стремления существовали и в прошлом. Массы первобытных общин были объединены в родовые группы и племена, в союзы племен. В некоторых отношениях это были прообразы последующих государств, то есть солидарность и управление там существовали. Но это было не извечно, и не везде. По заключениям этнографов, огромный период раннего существования человечества не показывает таких объединений. Первобытные общины были крохотными, их члены знали, что внутри общины свои, а вне ее — чужие, с которыми (даже с ближайшими) отношения были враждебными, но можно было договариваться. Похоже, что этносов в нашем современном понимании не было.

Более того, специалисты по Древнему Востоку (см., напр.: Дьяконов 1958) на основе тщательного изучения языков и письменных источников древних империй пришли к выводу, что и на Древнем Востоке этносов в нашем понимании не существовало. Большинство людей пребывало в неопределенном этническом состоянии, менявшемся в зависимости от политической ситуации. Значительно важнее, чем признаки, используемые для характеристики этнической принадлежности (язык, религия и т. п.), были другие признаки: в чьем подданстве человек находится, раб или свободный, его профессиональное мастерство, его родственные связи (кровные и по браку), горожанин или сельский житель, возраст и т. п. В римское время для огромной территории Средиземноморья и окрестностей наибольшее значение имело, состоит ли человек в римском гражданстве или является рабом в нем или свободным из «варваров», а какой именно варварский народ — это был вопрос второго порядка. Поэтому этнические корни, возможно, не уходят глубже раннего Средневековья и поздней первобытности.

Антропология, как и генетика (гаплогруппы), показывает, что все народы носят сильно смешанный характер, а сопоставление антропологии с археологией показывает, что преемственность культурная и генетическая часто идут разными путями. Культуры вообще подвержены влияниям и заимствованиям, так что состоят из смеси элементов разного происхождения. А так как языки в отличие от культур являются системами и передаются обычно как системы, то происхождение языков, история языковых семей и их филиации — это четкий предмет для исследования, простирающийся на многие тысячелетия, и обычно исследование этногенеза к этому и сводится. Остальные науки играют в этом деле вспомогательную роль и должны с этим смириться (Клейн 1969).

Выводы. Остается подвести итог. Клёсов совершенно не приемлет критику, не хочет слушать специалистов, работавших всю жизнь в той отрасли, в которую он вторгся без должной подготовки, допускает только мелкие поправки. «Что за страсть мелочиться, кусочничать, когда перед нами меняется пара-

дигма исторической науки? Ну и написал бы Л. Клейн, что вот “А. Клёсов пишет верно, и датировки правильные, и направление миграции верно определено, только я бы подчеркнул, что им на колесницах сподручнее было по степи и лесостепи ездить”. Так я был бы полностью “за”».

Увы, это совершенно невозможно. Вся система аргументации А. А. Клёсова построена на ложных основаниях, обеспечивающих простор разгулу индивидуальных предрассудков и пристрастий. Все основные тезисы, положенные в основу его этногенетических взглядов, — гаплогруппа как род, R1a как метка славянства, арии как биологическая общность, отказ от понятия «индоевропейцы», этнос как группа родов — все это идет вразрез с принципами современной науки. Этногенетика Клёсова, называемая им «ДНК-генеалогия», — не генетика вообще и даже не современная генеалогия, она далека от объективного изучения этногенеза. Это помесь генетической техники со средневековой генеалогией и националистической идеологией.

Приходится заключить, что самоуверенность и самовлюбленность успешно-го биохимика сыграли с ним злую шутку. Он занялся тематикой, в которой совершенно не разбирается, не имея для этого нужной подготовки. Вся его книга о происхождении славян не просто огромная неудача. Это провал.

Литература

- Артамонов М. И. 1950. Происхождение славян. М.; Л.: Знание.
- Дьяконов И. М. 1958. Этнос и социальное деление в Ассирии // Советское востоковедение 6, 43–56.
- Клейн Л. С. 1969. К постановке вопроса о происхождении славян // Ревуненков В. Г. (ред.). Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 21–35.
- Клейн Л. С. 2013. Этногенез и археология. Т. 1. Теоретические исследования. СПб.: Евразия.
- Клейн Л. С. 2015. Гаплогруппы, норманны и Рюриковичи // Записки ИИМК (в печати).
- Клёмов А. А. 2011. Коллизия двух парадигм? Переписка с Л. С. Клейном // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Boston — Moscow — Tsukuba) 4 (2) (lulu.com/items/volume-69/10096000/10096874/2/print/10096874.pdf).
- Кобычев В. П. 1973. В поисках прародины славян. М.: Наука.
- Мавродин В. В. 1978. Происхождение русского народа. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Мартынов В. В. 1982. Становление праславянского языка по древним славяно-иноязычным контактам. Минск: Наука и техника.
- Мачинский Д. А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ 17, 82–100.
- Петров В. П. 1972. Этногенез слов’ян. Джерела, стан розвитку і проблематика. Київ: Наукова думка.
- Седов В. В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука.
- Седов В. В. 2003. Этногенез ранних славян // Вестник РАН 73, 594–605.
- Герд А. С., Лебедев Г. С. (ред.). 1989. Славяне. Этногенез и этническая история. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Соболевский А. 1922. Что такое славянский праязык и славянский пранарод? // Известия II Отделения Российской академии наук XXVII: 321–322.
- Трубачев О. Н. 1991. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука.

- Щукин М. Б.* 1997. Рождение славян // Ткачук М. Е., Манзура И. В., Мосионжник Л. А. (ред.). Стратум: Структуры и катастрофы. СПб.: Нестор, 110–147.
- Kazanski M.* 1999. Les slaves: Les origines. Paris: Editions Errance.
- Kurta F.* 2001. The Making of Slavs. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Lehr-Spiawinsky T.* 1946. O pochodzeniu i praojczyźnie Stowian. Poznan: Wyd. Inst. Zachodniego.
- Niederle L.* 1896. O puvodu Slovanu. Praha: Bursik & Kohout.
- Vasmer M.* 1926. Die Urheimat der Slaven // Volz W. (Hrsg.). Der Ostdeutsche Volksboden: Aufsätze zu den Fragen des Ostens. Breslau: Hirt, 118–143.